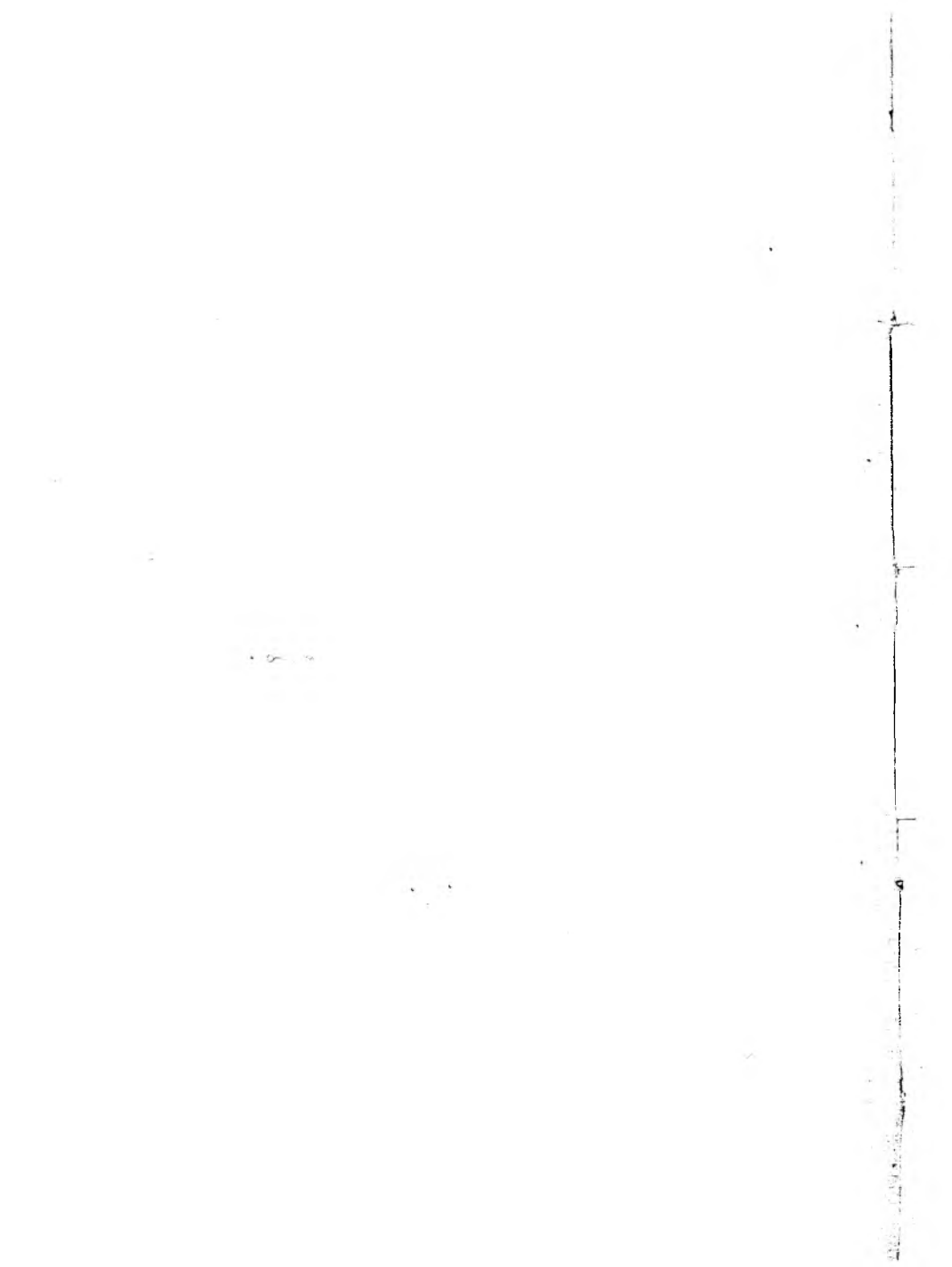

Андрей Бѣлый.

Москва.

Д Е Р В И Ш Ъ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

— «Жалко: пріѣхали вы въ Кэруанъ въ субботу—не въ пятницу: днемъ бы раньше,—и увидѣли бы пляску дервишей; многіе, многіе туристы именно въ пятницу пріѣзжаютъ сюда».

Такъ докладывалъ мнѣ проводникъ, по прозванію «м у ж е с т в о», наклонивъ надо мной свой оливковый горбоносый, отъ зари сіяющій профиль; и роняла душистыя свои надъ нимъ лепестки розоватая вѣтка цвѣтущаго миндаля, граціозно воткнутая за ухо; громадный букетъ этого миндаля мнѣ въ лицо осыпаясь издышался своимъ благовоньемъ: мы возвращались изъ окрестностей Кэруана, гдѣ среди песковъ, наперекоръ мертвенности, къ небу лѣзла прекрасная заросль миндалей, персиковъ и гранатъ. Уже мы стояли у входа въ гостинницу, но проводникъ не хотѣлъ меня отпускать:

— «Жалко, жалко: впрочемъ, если подберется значительная компанія, за хорошую плату,

дервиши согласятся плясать». И «Мужество», розовое от зари, опустило свой носъ.

Лучезарная, гигантская птица, расплескавъ надъ Кэруаномъ свое огневѣющее перо, погасла; облетали съ перистой тучки свѣтлыя блески зорь; и уже свѣтлая тучка становилась пепельной; строй минаретовъ, взлетѣвшій высоко, казалось, еще хранилъ огневѣющій блескъ; но ужъ тѣни чертились.

— «А можно ли мнѣ теперь увидеть настоящаго дервиша?»

— «Фокусниковъ — сколько угодно: стоять только пойти на площадь; настоящаго дервиша же... нѣтъ: постоитъ; вечеромъ зайдемъ въ одно кафэ; туда иногда заходитъ дервишъ; и этотъ подлинный...» И проводникъ, приложивъ руку ко лбу, быстро исчезъ.

Я—въ гостинницѣ.

Удивленъ, оглушенъ, ослѣпленъ—и уже все смѣшалось: минареты, бурнусы, тѣни и миндальные, ароматные лепестки; и отель—не отель; такъ нелѣпы онъ въ Кэруанѣ священномъ; такъ нелѣпы туристы—вонъ тотъ и вонъ этотъ—застрочившіе открытки своимъ далекимъ друзьямъ...

Въ глазахъ стояла еще красная полоса заката съ черной росписью холмовъ и фигурокъ на ней;

а уже пала ночь: оконныя щели присвистывали вѣтромъ; и стоялъ за окнами гулъ и ревъ; въ окнахъ было старушечье шамканье, прищипыванье, свистки и мышинный пискъ: кто то, невѣдомый, стучалъ въ окна; это прыгали ставни...

Мысли неслись въ головѣ, какъ вѣтеръ: мысль за мыслью, порывъ за порывомъ; но за разными мыслями вставала единая мысль: мысль издали на Кэруанъ напиравшей пустыни; эта мысль нѣкогда создала каменный Кэруанъ; Кэруанъ—осколокъ камня, Каабы,—изъ далекой Аравіи нѣкогда здѣсь упалъ на страну; линія исторіи съ той поры преломилась въ семь мѣстъ: и Берберія берберовъ стала арабской Берберіей.

А уже кончался обѣдъ; толстая половина еще болѣе толстаго супруга не одинъ отписала десятокъ открытокъ; старый, достойный англичанинъ (неизмѣнная принадлежность африканскихъ отелей, потому что—какъ же иначе!)—старый, достойный англичанинъ выкурилъ ужъ сигару въ общей гостинной полуарабскаго стиля; но все еще я сидѣлъ ослѣпленный и оглушенный съ черной росписью холмовъ и фигурокъ на слѣпительной полосѣ зари въ глазахъ.

Наконецъ, я спустился внизъ; мой проводникъ, по прозванью «мужество» стоялъ у дверей; шерстяной бѣлый бурнусъ завился теперъ вокругъ

полосатой его гондуры, отливая янтарнымъ свѣтомъ; зажженный фонарь закачался на его пальцѣ: мы тронулись.

Темный, тусклый лежалъ впереди едва освѣщенный Кэруанъ, провалившійся въ собственной тѣни; теплый воющій вѣтеръ закидывалъ въ носъ мнѣ бѣлый бурнуса край, а громадныя звѣзды, казалось, упали на плечи мужеству; мнѣ чудилось, будто мы пересѣкаемъ самъ небосводъ; убѣгающая отъ мыслей людскихъ вселенная казалась теперь ближе, чѣмъ слѣдуетъ; земля отступала подъ тяжестью на нее упавшихъ небесъ. И вотъ она выперла и подѣзла вверхъ: мы закружились по тусклымъ улицамъ арабскаго города; изрѣдка на насъ бросались бѣлыя привидѣнія, выростая у носа; одно изъ нихъ сидѣло на корточкахъ посреди темной улицы; мы прошли: привидѣнье продолжало сидѣть. А вотъ тонкая дудка жалобно такъ залилась гдѣ-то издалека; тонкими жалами она проколола мрачную темноту ночи; и туда же, въ мрачную темноту воющей ночи, бархатно повалились удары тамъ — тама; громче, все громче: въ желтый кругъ фонарнаго свѣта вдругъ вошла рѣзная арабская дверь.

Мы распахнули дверь: низкіе, низкіе своды, въ которыхъ, бились трескъ, пискъ и гамъ; изощренныя римскія колонки желтоватыя, какъ и

самъ Кэруанъ, точеной своей капителью убѣжали всюду подъ потолокъ; пестрое, маленькое кафе, состоящее изъ колонокъ: и плотно устлали каменный полъ пѣтухи и змѣи ковровъ; а гдѣ не хватало ковровъ, по полу разставили тростниковыя циновки; но еще плотнѣй, чѣмъ ковры циновки, колонки, пестрыя кучки веселыхъ арабовъ немилосердно здѣсь притѣсняли другъ друга; и казалось, что бѣлыя волны какого-то бѣлаго озера бурно ходятъ туда и сюда гребнями раскачавшихся и гортанно кричащихъ тюрбановъ: бѣлыхъ тюрбановъ галдѣнье!.

Тюрбаны: здѣсь, сидя на корточкахъ, они свое мирно потягиваютъ кофе; тамъ безстрастно застывъ у колонки, въ свѣтлый воздухъ кидаютъ они изъ колечкомъ раскрытыхъ губъ синіе дымки; а у насъ, въ синенькихъ бутылочкахъ, побулькиваетъ прохладно пропускающая дымъ вода: это курильщики наргилэ; тутъ же, у самыхъ ногъ моихъ, раскричалась полосатая кучка, заходили локти, спины и шеи; съ ругетней они подъ склоненными надъ доской головами быстро-быстро задвигали шашками; матовый улыбнулся профиль вонъ у той изошренной колонки; чуть дрожащій, красный цвѣтокъ у него торчалъ изъ ушей.

— «Это мѣстный обычай: когда захочетъ

арабъ весело провести время, въ знакъ веселья за уши онъ закладываетъ цвѣтокъ» такъ шептало мнѣ «мужество»: красный, вамъ кивающій подь тюраномъ цвѣточекъ издали выдаетъ веселящагося араба.

Я смотрѣлъ: бѣлые, желтые, синіе надъ ушами дрожали цвѣточки; много веселыхъ арабовъ собралось видно въ кафэ!

— «Что же, здѣсь дервишъ?»

— «Погодите: на наше счастье онъ здѣсь: подлинный, подлинный этотъ дервишъ»...

Мы пошли сквозь толпу: проводникъ ввелъ меня на широкой помостъ; едва втиснулись мы въ шлотную массу бурнусовъ; вотъ-вотъ бѣлая волна ея захлестнугъ: разступились бурнусы; жгучій кофе стоялъ передъ нами.

Въ эту пеструю стаю головъ, цвѣтковъ, колонокъ и бѣлыхъ тюрановъ съ помоста кинуло мое «мужество» гортанныя рѣчи свои. И умолкла музыка. Отъ головы къ головѣ перекинулась барабанная, гортанная дробь: голова наклонилась къ головѣ; голова головѣ въ уши забила звуками; и размахивались, плещущія пестрыми лопастями руки; и картинныя позы смѣнялись картинными позами; каждый, точно передъ многочисленною толпой теперь сдавалъ экзамень по пластикѣ (такъ арабы всегда: говорятъ, хо-

дять, садятся будто на сценѣ). И опять въ эту пеструю стаю головъ, цвѣтковъ, бурнусовъ съ помоста раскричалось неутомимое «мужество»; что оно говорило,—не знаю; капюшоны, тюрбаны, фески переглянулись довольно, бросили на насъ быстрый взглядъ; и всѣ обернулись они въ сторону къ намъ спиной сидящаго араба: закачался его тюрбанъ; и арабъ обернулся:

— «Вотъ—дервишъ онъ соглашается вамъ показать своихъ очарованныхъ змѣй»...

Мгновение—передъ нами онъ вскочилъ изъ толпы—млодой, стройный—на стальныхъ мускулахъ своихъ оливковыхъ ногъ; блѣдное, матово-желтое и какое то твердое его лицо въ нашу сторону протянулось своимъ оваломъ изъ цвѣтковъ, тогъ, тюрбановъ; и утихла арабовъ гортанная барабанная дробь; арабскіе глаза, обведенные четко рѣсницами, чуть прищурились на насъ испытующе; и съ надменной нѣгой они уже отъ насъ отвернулись; блѣдный, тонкій арабъ съ легкою быстротою протянулъ свою руку за ядовитымъ мѣшкомъ, заключавшимъ змѣй, мѣшокъ взвѣсилъ въ воздухъ; твердымъ шагомъ направился онъ къ помосту.

«Такъ вотъ какой дервишъ» подумаль я: ничего безобразнаго, дикаго фанатичнаго, никакого слѣда шаманства не увидѣли бы вы въ его

исполненныхъ спокойнаго благородства движеніяхъ. Наоборотъ: сколько европейскіе красавицы, если есть въ нихъ хоть капля эстетическаго чутья, промѣняли бы лоскъ своихъ свѣтскихъ движеній за одну только непринужденную позу кѣруанскаго дервиша; за одинъ только его прищуренный и о чемъ то грустящій взглядъ этихъ змѣиныхъ глазъ: заклинатель змѣй походилъ самъ на змѣю.

— «Еще немного познаній, и этотъ дервишъ будетъ ассауйя»... шепчетъ мнѣ на уши проводникъ.

— «Что такое ассауйя?»

— «Ассауйя—это тотъ, кто прошелъ полную науку дервишей; ассауйя можетъ безъ вреда для себя глотать пауковъ, скорпионовъ, стекла, онъ изрѣзываетъ саблей себѣ животъ; онъ—могущественный; и могущества своего никогда не употребить во зло; въ этомъ клянется передъ имамомъ; ассауйями искони славится Кѣруанъ; и теперь естъ въ Кѣруанѣ многіе ассауйи»...

На помостѣ взвизгнули трубы; одно надменное бѣлоглавое привидѣнье оливковыми руками своими немилосердно стало за жаривать въ тамъ-тамъ; а другое бѣлое привидѣнье раскидалось по струнамъ пальцами; дикая, дикая терзающая

васъ сладко музыка: неугомонныя, извѣчно душѣ знакомыя пѣсни.

Подъ ними хаосъ шевелится.

Разступились хитоны, цвѣтки прокачались; на помостѣ быстро очистилось мѣсто, когда туда граціознымъ прыжкомъ пантеры взвился дерзишь, распустивъ на мгновенье парусомъ плащъ; и взлетѣвъ на помостъ, онъ застылъ на минуту, предъ собою бросилъ развязанный кожаный свой мѣшокъ, выпрямился, снова застылъ. Въ мѣшкѣ что-то закопошилось.

И дудѣли трубы, струны рыдали, львинымъ рыканьемъ гремѣлъ барабанъ.

Вотъ онъ: и онъ весь—сдавливаемый порывъ: такой глухой, такой нѣмой, такой поблѣднѣвшій; овальное, горбоносое чернобровое съ маленькими усиками лицо, точно въ камнѣ изсѣченная маска, вызвало во мнѣ память о слѣпкѣ съ надменной муміи самага фараона; но темный хаосъ зашевелился уже подъ этимъ съ виду совершенно спокойнымъ лицомъ, напоминающимъ овальную льдинку, осмугленную на нее упавшемъ налетомъ коричневой африканской земли; и это, совершенно спокойное съ виду лицо, все теперь протянулось къ звукамъ; оно стало все—звукомъ звука; я забылъ, что предо мною только убогій заклинатель змѣй; мнѣ казалось, какой то миро-

творный геній укачиваетъ душу въ плавныхъ позахъ своихъ; кругомъ горѣлъ свѣтъ; казалось мы были въ золотомъ, денномъ блескѣ, но изъ этого золотого блеска

«Мнѣ казалось, что меня
 «Какой то миротворный геній
 «Изъ пышно золотого дня
 «Увлекъ незримо въ царство тѣней».

Губы его твердо сжатые, тонкія—изогнулись усмѣшкой губы; а то губы казались скорбящими; а о чемъ скорбящими? Взоръ сталъ—въ себя самого убѣжавшимъ взоромъ...

Но вотъ онъ снялъ съ себя свою головную повязку легкой и нервной судорогой змѣиныхъ рукъ; длинная прядь волосъ его не выстриженной макушки темной струей ему очернила щеку, лобъ и плечо; на худыхъ, оливковыхъ голыхъ рукахъ высоко теперь взлетѣлъ его поблескивающий, желѣзный жезликъ; вотъ онъ повернулъ въ профиль свое восковое, горбоносое лицо, вытѣпилось оно тѣнями, на цвѣтныхъ пѣтухахъ ковра прикрѣпленнаго къ стѣнѣ; широкія плечи, шея, грудь и нога порывисто выкинулись впередъ въ бѣлое плесканье подъ помостомъ притихшихъ арабовъ; а другая нога, руки и жезлъ далеко отлетѣли назадъ; заструилась черной

змѣей за плечами бьющаяся прядь дервишевыхъ волосъ; заструились хитона его мягко взлетѣвшія складки. Мгновеніе—замерь онъ: изъ открытаго мѣшка выползала черная, склизкая кобра; пере-рѣзывая ему навстрѣчу желтую циновку изъ тростника.

— «Никогда она его не укуситъ» нашептываль «мужество», онъ имѣеть власть зачаровывать змѣй; самимъ имамомъ передается та власть надъ змѣями дервишамъ; передъ тѣмъ, какъ стать заклинателемъ змѣй, дервишъ идетъ въ мечеть съ самимъ шейхомъ религіи; въ мечети молятся оба; шейхъ беретъ за руку дервиша; шейхъ шепчетъ ему никому не открытыя слова тайныхъ своихъ молитвъ; свято хранить про себя ту молитву дервишъ: никому, никогда, ни за что не откроеть онъ той молитвы: такъ становится дервишъ властителемъ змѣй; такъ становится онъ неподвластнымъ змѣинымъ укусамъ; змѣи потомъ и кидаются на него; но его укуситъ змѣи больше не могутъ... Смотрите, смотрите»...

И я смотрю.

Мгновеніе: дервишъ кидается къ кобрѣ; закрутился и засвисталъ въ пальцахъ его желѣзный, остріемъ къ змѣѣ обращенный жезлъ; и въ змѣиныя очи впелись змѣиныя очи; и опять уже

далекѡ отъ змѣи улетѣлъ его въ себя самого убѣгающій взглядъ.

Высоко подскочила быстрая кобра и поставила палкой шею; такъ сварливо предъ нимъ записала хвостомъ восьмерки; прямо въ пляшущее колѣно прицѣливалась быстренькая головка ея, будто головка молоденькаго драчуна—пѣтушишка, когда цѣлится пѣтушишка въ своего противника; быстро-быстро такъ ерзала и туда и сюда ея черная птичья головка.

На змѣиный пляшущій хвостикъ дервишъ вдругъ наступилъ своей четкою, голой пятой; наступилъ, придавилъ и опять отпустилъ хвостикъ; высоко приподнявъ палковидную ленту груди, побѣжала змѣя на бурнусы по тростниковымъ циновкамъ; но бурнусы отпрянули; замолчи дудки, упали удары тамъ-тама, можно было бы слышать легкой шелестъ бѣгущей ленты на тростникахъ.

Но плаксивѣе, но громче все крикъ извижжавшейся дудки; отверстье ея поднялось на змѣю; самъ дудящій арабъ, выгнувъ спину, тонкой шей своей рисовалъ арабески; тонкой шей своей онъ вычерчивалъ къ звукамъ знаки: и оливковая рука, отливая текущимъ блескомъ, изступленнѣй кинулась на гудящій тамъ-тамъ: залетали быстро на струнахъ арабскіе пальцы; дружно встали

арабы плечо въ плечо, когда на нихъ побѣжала прыгучая кобра; протянулись ихъ головы; за- качались, залоснились темноватые лбы..

Но уже змѣя опять на дервиша..

А онъ—нуль вниманья; огненнымъ, быстрымъ прыжкомъ, подставляя змѣинымъ укусамъ спину, повернулся къ намъ молодой заклинатель змѣй; вдругъ, казалось, порывъ его изъ него изошелъ; уже онъ—изваяніе; бились пышныя складки его гондуры вокругъ голенастыхъ ногъ; и слетѣли на грудь напряженныя темныя руки; и слетѣлъ на грудь его тяжелый жезлъ, и легкіе провились на грудь волосы; мертвенно откидывалась и откинулась голова; уже онъ—изваяніе: такъ запечатлѣлся въ памяти у меня этотъ дервищъ; такимъ стоитъ онъ предо мною сейчасъ; въ только-что видѣнной мѹмѣй Фараона Рамзеса II-го, только съ нею сравнилъ бы я дервиша бѣднаго, блѣдное гордо лицо. Такъ стоялъ онъ звукъ въ звукахъ; изъ его полузакрытыхъ глазъ промерцали зарницы черныя хаоса; вѣтеръ ду- докъ въ прибоѣ тамъ-тама говорилъ съ нимъ не- человеческимъ языкомъ.

О чемъ ты воешь, вѣтеръ ночной,

О чемъ такъ сѣтуешь безумно?

Что значить странный голосъ твой,

То глухо-жалобный, то шумный?
 Понятнымъ сердцу языкомъ
 Твердишь о непонятной мукѣ,
 И ноешь, и взрываешь въ немъ
 Порой неистовые звуки!

И мнѣ казалось, что въ образѣ и подобіи невыразимаго этого лица, со мной бесѣдуютъ многіе вѣка и народы; что-то было въ этомъ лицѣ, незабываемаго, извѣчно знакомаго. «Ты меня знаешь» говорило мнѣ сумасшедшее лицо.

И я его узнавалъ.

Однажды, когда я былъ въ Нижнемъ, бросилось блѣдное это лицо на меня изъ толпы; но то было лицо молодой женщины; мнѣ потомъ сказали, что женщина эта хлыстовка; печать какой то особенной утонченности выдѣляла ее изъ толпы; печать вотъ такой утонченности наблюдается уже въ третьемъ поколѣніи у хлыстовъ. Нижегородскую хлыстовку странно такъ мнѣ напомнило дервишево лицо.

Я потомъ видѣлъ то же выраженіе глазъ у блѣднаго Никиша; только что передъ тѣмъ продирижировалъ онъ С-диг'ной симфоніей Шуберта; онъ стоялъ у эстрады съ глубоко убѣжавшимъ взоромъ тускло горящихъ глазъ; тускло горящій тотъ взоръ, улетающій въ пропасти ду-

ха, смотрѣлъ на меня изъ подъ темныхъ, дервишевыхъ рѣсницъ. Блескъ, озарявшій ковры и колонки, темнѣлъ подъ густѣющимъ очарованнымъ взоромъ кѣруанскаго заклинателя; что то тяжелое, темное ко мнѣ привалилось, давило.

Тогда густѣетъ ночь, какъ хаосъ на водахъ
Безпамятство, какъ Атласъ, давить сушу.

Тютчевъ.

Тяжесть глухая безумія, ничего не видящій взоръ: и все же видящій не взоромъ въ душѣ «образъ міра сего» кѣруанскій дервишь мнѣ напомнилъ и Ницше: та же зрячая, ѣдкая слѣпота; и тоска—та же.

Чась тоски невыразимой!

Все во мнѣ—и я во всемъ...

Въ визгѣ дудокъ опять привскочила, качаясь, склизкая кобра; и струился лоскъ по черной лентѣ ея; листовидную плоскую шею она крючкоставо загнула; тотъ ехидный крючекъ, раскачавшись, казалось, крестилъ воздухъ; притче, жгучей заерзала гаденькая головенка, сиюсь ему нанести смертельный укусъ... И вотъ по желтымъ тростниковымъ циновкамъ она забѣгала черненькимъ ручейкомъ; легкимъ прыжкомъ облизнуло воздухъ ея скользкое тѣло; и опять она сѣла на полъ.

— «Отчего змѣя эта такъ безпокойна»—спросилъ я затаившаго дыханіе проводника.

— «Ахъ, да это понятно: онъ ее лишь сегодня поймалъ».

— «Значить не всѣ змѣи ему подвластны?»

— «Всѣ, всѣ: но очарованіе еще не вполнѣ дѣйствуетъ».

— «Сколько же времени ему нужно, чтобъ себѣ подчинить змѣю?»

— «О, немного—нѣсколько дней».

Легкимъ прыжкомъ опять облизнуло воздухъ скользкое тѣло кобры; и опять уклонился, отпрыгнувъ дервишъ; и опять она сѣла. Прыжекъ и прыжекъ: прыжекъ змѣи, прыжекъ дервиша; вотъ разбились туники летящія складки о легкую ленту летящей змѣи; какъ змѣя, на змѣю выгибая тонкую шею, хладнокровно и медленно опустилось къ головкѣ сумасшедшее дервишево лицо съ высоко взлетѣвшимъ полукругомъ оливковыхъ рукъ его; завертѣлся на быстрыхъ пальцахъ желѣзный жезликъ; и струя метущихъ воздухъ волосъ танцевала на крючковой головкѣ змѣи.

Такъ они расплясались—человѣкъ и змѣя въ развизжавшемся плачѣ голосистистыхъ арабскихъ дудокъ; и кидался, кидался звуками, будто

каменными шарами, тамъ-тамъ. Но кобра не поддавалась очарованію.

Тщетно скачущій дервишъ надъ нею махалъ своей прядью волосъ и кричали озлобленно тонкія отверстія дудокъ: злая змѣя металась вправо и влѣво; вотъ у ногъ моихъ записалъ ея хвостъ...

— «Вы не бойтесь, не бойтесь: ни васъ, ни его, ни другихъ змѣя не укуситъ: дервишъ съ нея не спускаетъ глазъ»...

Вотъ вдали отъ меня на помостѣ забѣгала лента, а поганый крючокъ протянулся къ груди отъ нея отскочившаго дервиша; и была бы головка змѣи у него на груди, и вонзились бы въ грудь ядовитые, острые зубки:—но на пляшущій хвостикъ мгновенно упала нагая пята подскочившаго дервиша.

— «Откуда онъ набираетъ своихъ змѣй?»

— «Здѣсь, въ окрестностяхъ Кэруана водятся кобры».

— «Какъ онъ ловитъ ихъ?»

— «Дикихъ кобръ онъ подманиваетъ очарованными: на ихъ свистъ выползаютъ дикія кобры. Ловко дервишъ накидываетъ на нихъ свой мѣшокъ».

Уже, вотъ; теперь очарованная кобра гармонично взвѣсилась въ воздухъ; не отрываясь, она

теперь впиалась взоромъ въ сумасшедшее передьней скачущее лицо.

Спрятана кобра.

Изъ кожанаго мѣшка высыпалъ дервишъ кучечку желтыхъ змѣй, обвивающихъ пальмы; то одну, то другую онъ теперь кладетъ на спокойное свое лицо; на этомъ лицѣ растягивается змѣйка, и свисаетъ дрябло съ лица желтый хвостъ; вотъ одна, разъявъ пасть, охватила зубами горбатый носъ дервиша; но подъ зубы ей ловко продѣлся жезликъ; ту расжатую пасть показалъ мнѣ дервишъ: вотъ два острыхъ зуба только что коснувшихся дервишева лица.

— «Многіе полагаютъ, что ядовитые зубы вырываютъ дервиши: но вы видѣли?»

— «Да, я видѣлъ»...

Да—я видѣлъ: а что я видѣлъ? Дервиша—только.

Едва глядя, принимаетъ дервишъ отъ меня бакшишъ, холодно благодарить; и уже вотъ онъ—не дервишъ вовсе: дервиша я не вижу: бѣлоглавый арабъ, какъ и всѣ, тамъ присаживается къ кучкѣ.

Пестрое, маленькое кафэ, состоящее изъ колонокъ заходило цвѣтками, заплескало волною бурнусовъ, закидалось пестрыми кучками; и казалось, что бѣлыя волны какого то бѣлаго озера

бурно ходять туда и сюда... Тамъ, безстрастно застывъ у колонки, въ свѣтлый воздухъ кидаетъ тюбанъ тонкостройный, синій дымокъ своими колечкомъ сложенными губами; матовый самъ себѣ улыбается профиль съ чуть дрожащимъ цвѣткомъ.

Звуки дудокъ утихли; оборвался круто тамъ-тамъ, кто-то будто съ разбѣга кинулся въ темную пропасть; на нее быстро упаль теперь пестрый занавѣсъ золотого, веселаго смѣха.

Мы вышли. Изъ освѣщеннаго круга свѣта убѣжала рѣзная арабская дверь; душисто синяя, въ лицо бьющая воздухомъ, ночь поплыла на насъ мягко..